УДК 325.35

Гайкин В.А.

"Коллективизация" в Маньчжоу-го

Обзор источников и литературы

В течение всего существования марионеточного государства Маньчжоу-го Япония с разной степенью успеха реализовывала всевозможные программы заселения Маньчжурии японскими и корейскими сельскохозяйственными колонистами (Корея до 1945 г. являлась частью японской колониальной империи). Самый циничный проект появился в журнале "Дайямондо" (1932, № 10): "Вооруженная крестьянская эмиграция возможна лишь силами японцев. Корейцы скорее могут быть использованы здесь лишь в качестве батраков. Их следует заставить заниматься рисосеянием – работой, уготованной им природой. Японо-корейская эмиграция в Маньчжурию может быть осуществлена переселением из Японии 500 вооруженных крестьянских семей, которые будут использовать как батраков 500 семей корейцев, ояпонивая их". Этот план слишком диссонировал с демагогическими заявлениями идеологов японской экспансии об общности судеб народов Восточной Азии, поэтому не мог быть принят к реализации.

Японский автор Онда Сакубэ в серии статей, опубликованных в журнале "Мансю хёрон" в 1935 г., проанализировал опыт коллективных деревень в Маньчжоу-го: "Сначала должностные лица уездов ведут переговоры с местными землевладельцами о переселении туда арендаторов и снижении арендной платы до 30 % урожая. Площадь участка, который арендатор получал в коллективной деревне, зависела от числа членов семьи: пять гектаров – на домашнее хозяйство семьи менее пяти человек; десять гектаров – на семью из пяти и более членов. Для самообеспечения продовольствием каждая семья должна была использовать по крайней мере один гектар для выращивания таких культур, как ячмень, картофель, маис. Кредиты на один двор составляли – пятьдесят вон для строительства жилья и двадцать вон для ведения сельского хозяйства с условием погашения в течение трех лет под 8,4 % годовых" [7, с. 22].

Авторы работы "Маньчжурские бандиты и политика умиротворения" объективно оценивают негативные последствия выселения корейских крестьян из партизанских районов, пишут о сокращении посевных площадей на новом месте жительства, плохом качестве наспех построенных домов. Как правило, новые участки, полученные взамен проданной за копейки собственной земли, это арендованная земля. Главный вывод авторов – качество жизни в безопасных (коллективных) деревнях намного ниже, чем на прежнем месте, граничит с нищетой [6]. Южнокорейский историк Ко Сынче фокус исследования сосредоточил на анализе целей переселения корейских крестьян в Маньчжурию – создании сельскохозяйственной базы японской экспансии на материке, снижении социальной напряженности в корейской деревне из-за малоземелья, высоких арендных ставок. Автор отмечает, что с начала 1940 гг. японские колониальные органы перенесли акцент на поддержку переселения в Маньчжурию японских крестьян в ущерб корейским эмигрантам [1].

Безопасные (коллективные) деревни (1931–1940 гг.)

Первые корейские "колхозы" начали создавать в 1932 г. в Цзяньдао (регион Маньчжурии, населенный корейцами) из местных корейских крестьян и

Фото 1. "Классическая" корейская коллективная деревня, провинция Цзяньдао, уезд Яньцзи.

Источник: [8, с. 175]

беженцев из районов активных боевых действий антияпонских партизан против вторгнувшейся японской армии. В маньчжурской "глубинке" разбросанные корейские хутора селяли вместе, чтобы разорвать связи антияпонских повстанцев с крестьянами, снабжавшими инсургентов продовольствием (три десятилетия спустя во Вьетнаме эта антипартизанская тактика была воспроизведена в виде "стратегических деревень").

На *фото 1* мы видим фото коллективной или "безопасной" деревни. Строгая линейная планировка улиц, дома-бараки. Всё сделано для осуществления тотального контроля над жизнью крестьян и круглосуточного наблюдения за ними, чтобы исключить контакты с партизанами. Вокруг деревни прочная изгородь и земляной защитный вал, необходимый для обороны деревенского отряда самообороны (создаваемого из прояпонски настроенных жителей) от антияпонских партизан, нуждавшихся в пополнении запасов продуктов. Выход из деревни корейцам после возвращения с полевых работ был запрещён.

Арендаторы были основным контингентом коллективных деревень. По данным опроса, проведенного в октябре 1934 г. в провинции Цзяньдао, арендаторы (и полуарендаторы) составляли около 67 % жителей в шести коллективных деревнях в уезде Хверён и 52 % в трех коллективных деревнях в уезде Ванцин (соответственно 33 % и 48 % составляли крестьяне-собственники). По мнению ангажированного Онда Сакубэ (с которым мы не согласны – В.Г.), "корейские коллективные деревни реализовывали программу кредитования, направленную на создание крестьян-собственников в качестве основной цели" [7, с. 27]. Используя субсидии администрации генерал-губернаторства Корея и Квантунской армии, японские колонизационные компании приобретали у помещиков участки земли или перекупали участки, приобретенные ранее генерал-губернаторством Корея, а затем сдавали их корейским крестьянам в аренду.

"Ноу-хау" японских менеджеров, организовавших корейские "колхозы", состояло в имитации процесса виртуальной передачи участков земли, которые обрабатывали корейские арендаторы, в их собственность, что как-то мотивировало корейских "колхозников" на производительный труд. В реальности,

кредиты, выдаваемые неимущим арендаторам на ведение сельского хозяйства, служили орудием закабаления крестьян. Обещания передать им землю после выплаты (возврата займов) были фантомной "морковкой", маячившей впереди притягательным миражом. Корейцы, которых переселяли в коллективные деревни, не имели имущества и собственности, оставленных на прежнем месте проживания, и были вынуждены брать кредиты, чтобы закупать все, начиная от продуктов питания и одежды до семян и сельскохозяйственных орудий. Они с трудом возвращали эти займы и оплачивали проценты по ним только для того, чтобы получить возможность взять новые кредиты. По мнению синхронного событиям японского автора, "обнищание крестьян в результате строительства коллективных деревень стало обычным явлением" [6, с. 125].

Тем не менее, в отличие от советских "коллективных хозяйств", где часто единственным способом мотивации к труду был "кнут", изобретательные восточные менеджеры предложили крестьянам и этот виртуальный "пряник" (надежду стать собственником земли). Вторым отличием от колхозов была работа корейских крестьян на закреплённых за ними участках, что обуславливалось спецификой выращивания риса (большим объёмом ручного труда) и отсутствием машинной техники для возделывания суходольных культур.

Вариантом советского "кнута" были организованные японскими колониальными структурами из тех же корейцев "Ассоциации взаимопомощи", поддерживавшие повседневную трудовую дисциплину под лозунгом самоуправления и контролировавшие своевременную выплату крестьянами кредитов и процентов по ним. Погашение в срок кредита крестьянами не требовало внешнего принуждения (вмешательства полиции). Право применять санкции было передано от полиции в крестьянские сообщества. Все домохозяйства должны были сдать в Ассоциацию взаимопомощи для продажи свой урожай за вычетом доли, необходимой для внутрисемейного потребления. Ассоциация следила, чтобы "колхозники" не прятали зерно. Деньги, вырученные от продажи урожая на рынке, шли на выплату Ассоциацией (Mutual aid association) кредитов, взятых домохозяйствами деревни и на покрытие общих хозяйственных расходов. Оставшуюся часть распределяли среди крестьян пропорционально стоимости изъятого у них урожая. Ассоциация взаимопомощи контролировала "общину", став инструментом, обеспечивающим выплату процентов по кредитам крестьян и возвращение самих кредитов.

Члены ассоциации, не способные по тем или иным причинам выполнить необходимые платежи, были застрахованы от угрозы потери земельного участка, платой за эту гарантию был коллективный надзор за повседневной жизнью и процессом производства и потребления крестьян. Общинное самоуправление в "кооперативах" было формой принуждения коллективной волей. Ассоциация взаимопомощи организовала новую коллективную дисциплину членов "кооператива". Механизмы фиктивной частной собственности, кредитная система и коммунальные ассоциации (коллективные деревни) позволили колонизаторам присваивать прибавочный труд корейцев. Эти механизмы, спекулируя утопическим идеалом коллективного управления, организовывали повседневную жизнь крестьян таким образом, что "кооперативы" сами возлагали на себя ответственность за платежи по кредитам, без прямого вмешательства власти.

Формирование колониальных подданных в Маньчжоу-го было не столько воспитанием духа предпринимательства у крестьян, сколько созданием производителей, способных регулярно погашать кредиты в соответствии с графиком. "Кооперативы" из утопического проекта коммунизма превратились в важный элемент колониальной системы управления. Скупка урожая осуществлялась, как и в советских колхозах, по ценам намного ниже рыночных, что по существу часто означало конфискацию урожая. Возможность выхода из "колхоза" не предусматривалась.

По мнению японских авторов, "за период 1932–1937 гг. удалось создать 2906 частных корейских хозяйств, выдав им ссуды на покупку земли и другие сельскохозяйственные цели общей суммой в 1677 193 иены (по 577 иен на двор)" [5, с. 48]. "Ангажированные" обозреватели не догадывают, что выдачей ссуд занималась японская "Восточно-азиатская колониальная компания" и все "облагодетельствованные" крестьяне попадали

к ней в прямую (полуфеодалную) зависимость. Документы на участок земли хранились у менеджеров этой компании, корейцы были фиктивными собственниками земли. К концу 30-х гг. обитатели коллективных деревень начали осознавать себя жертвами японской колониальной аферы, что выражалось в многочисленных случаях бегства из "мест обетованных". Численность населения коллективной деревни Ch'olryong снизилась с 384 домохозяйств в 1937 г. до 283 в 1940 г., в деревне Nadong с 683 домохозяйств до 378 [9, с. 384].

Создание коллективных деревень из переселенцев из Кореи (1937–1945 гг.)

В августе 1936 г. правительство Маньчжоу-го и корейское генерал-губернаторство приняли "Программу руководства маньчжурскими корейцами" [3, с. 158], что положило начало плановому контролируемому переселению корейцев в Маньчжурию. Для этого были созданы две компании: 9 сентября 1936 г. в Сеуле – "Корейско-маньчжурская колонизационная компания", 14 сентября 1936 г. в Синьцзине – "Маньчжуро-корейская колонизационная компания". Функции первой: вложение капитала, работа с переселенцами в Корею (отбор, выдача ссуд на переселение). Функции второй компании – работа с переселенцами в Маньчжурии: расселение и контроль, концентрация в определенных местах уже живущих в стране корейцев, мероприятия по созданию собственнических хозяйств корейцев в Маньчжурии (закупка земли, выдача ссуд и т.д.).

Конкретизируя программу, нужно сказать, что в год намечалось вселять до 10 тысяч дворов корейцев. Районы вселения новых иммигрантов – Цзяньдао (основной район проживания корейцев в Маньчжурии) и 18 уездов Дунбяньдао (территория, прилегающая к реке Ялуцзян). Живущих в маленьких хуторах и деревнях корейских крестьян приграничных районов предполагалось переселять в определенные пункты, чтобы помешать снабжению продовольствием партизанских отрядов, а также создать вдоль границ с СССР нежилую зону [3, с. 345].

В 1937 г. из Кореи в Маньчжурию организовано выехали 2339 семей (12159 чел.), которые были помещены в 29 поселков уездов Аньту, Ванцин, Яньцзи и в 3 поселка уезда Инкоу [5, с. 201]. Переселенцы делились на два класса: первый класс – "коллективные переселенцы" (наиболее привилегированная категория). В соответствии с программой им должно было оказывать всяческое содействие корейское генерал-губернаторство. "Компания" обеспечивала ссуду на проезд, предоставляла начальный сельскохозяйственный капитал. Впоследствии из коллективных переселенцев планировалось создавать хозяйства крестьян-собственников. Отбор переселенцев производился администрацией провинций Кореи. Необходимым условием было наличие в семье двух или более трудоспособных мужчин. Второй класс – "организованные переселенцы". Их отправляли на земли, граничившие с участками, переселившихся ранее крестьян для увеличения поселений и расширения посевных площадей. Въезд осуществлялся также группами, но все расходы были заботой самих крестьян. Земля давалась в собственность или аренду. За 1938 г. были переселены 2799 дворов "коллективных" (14198 чел.) и 3156 дворов "организованных" колонистов (9958 чел.), всего 5955 семей [8, с. 184]. Предполагалось закупить 11220 тё земли, затратив на это, а также на ссуды корейским колонистам 3 млн. иен, намечалось создать 740 хозяйств крестьян-собственников [2, с. 39]. Земля, которую обрабатывали арендаторы, регистрировалась как собственность переселенческой компании, и до тех пор, пока корейцы не возвращали всю ссуду с процентами, они фактически оставались на положении крепостных крестьян, полностью зависящих от компании. В 1939 г. наплыв переселенцев оказался рекордным. Общее их число составило 51994 чел., из них коллективных и организованных колонистов было 4845 семей (20085 чел.), дисперсных (переселявшихся самостоятельно) – 7231 семей (27056 чел.) [8, с. 206]. В 1940 г. в Маньчжурию переселилось 4608 семей (15479 чел.) коллективных и организованных колонистов и 1842 семьи (7206 чел.) дисперсных [3, с. 236]. Это четырёхлетие (1937–1940 гг.) было периодом активной и довольно успешной деятельности японских переселенческих организаций в Корею, в сети которых попадали разоренные, не имевшие средств к существованию крестьяне. В 1941 г. переселили только 763 семьи

колонистов – 3702 чел. (шестикратное уменьшение в сравнении с 1940 г.) и 1969 семей дисперсных переселенцев [3, с. 204].

С 1942 г. начал осуществляться второй пятилетний "план освоения Маньчжурии". Подготовка к войне с СССР включала в себя заселение пограничных с Советским Союзом районов Маньчжурии лояльными колонистами. Японские колонисты в этом плане котировались выше корейцев. Программа корейской колонизации постепенно сворачивалась. На 1942 г. намечалось переселить 2500 семей коллективных и организованных переселенцев и 5000 дворов дисперсных иммигрантов-корейцев. Было переселено соответственно 2027 семей (9293 чел.) и 6356 семей (13732 чел.) [4, с. 372]. В 1943 г. в Маньчжурию выехали только 1046 семей коллективных переселенцев-корейцев [1, с. 30]. В 1942 г. компания приобрела земельных участков для японских колонистов в 13 раз больше, чем для корейцев. Расходы на японскую колонизацию составили в 1942 г. 114 млн. иен, на корейскую – только 26 млн. иен. Примерно такое же соотношение затрат планировалось на 1943 и 1944 гг. [4, с. 263].

Заключение

В 1944 г. в Маньчжурии насчитывалось 24000 семей "коллективных" (сюдан) и "организованных" (сюраку) корейских колонистов [9 р. 13] (10% корейцев, занятых в сельском хозяйстве). Все они экономически полностью зависели от японских организаций, которые снабжали крестьян предметами первой необходимости, сельхозинвентарем, забирая практически всю товарную часть урожая. В системе колонизации Маньчжурии японские поселения имели военно-стратегическое значение. Они создавались у границ с СССР и должны были стать оплотом японского военно-политического влияния. Колонисты-корейцы не пользовались доверием колонизаторов, корейским "колхозам" отводилась роль продовольственной базы японской экспансии, стабильного поставщика больших объёмов дешёвого зерна. (Второй целью создания коллективных деревень было отсечение крестьян от партизан, искавших источники снабжения продовольствием). Вступление советских войск в Маньчжурию в августе 1945 г. прервало этот административно-хозяйственный эксперимент, поэтому о возможных отдалённых результатах "коллективизации" маньчжурской деревни можно только гадать.

Литература

1. Ко Сынче. Манчу ноноп имин ы сахвесахок пунсок (Социально-исторический анализ сельскохозяйственных переселенцев в Маньчжурию). Пэксан хакпо, 1971, № 10. С. 28–40.
2. Котоку ённэндо такусэй сюмуса утиан кайги гидзироку (Материалы конференции по проблемам колонизации 1937 г.). Б.м., 1938. 203 с.
3. Мансю кайтаку нэнкан. (Ежегодник колонизации Маньчжурии). Синьцзин: Мансюоку цусинся, 1942. 403 с.
4. Мансю кайтаку нэнкан. (Ежегодник колонизации Маньчжурии). Синьцзин: Мансюоку цусинся, 1944. 429 с.
5. Мансю ногё имин гайсэцу. (Краткий очерк переселенцев в Маньчжурии). Дайрен: Минами маню тэцудо кабусики кайся, 1939. 215 с.
6. Мансю хидзоку то тIAN тайсаку (Маньчжурские бандиты и политика умиротворения). Б.м. 1938. 230 с.
7. Онда Сакубэ. Томан тихо ни окэру носон но гэндзё: сюдан бураку кэнсэцу но дзёсэй (Земледельческие поселения в Восточной Маньчжурии: строительство коллективных деревень) // Мансю хёрон. 1935. сентябрь. С. 11–38.
8. Hyun Ok Park. Two dreams in one bed. Duke university press. Durham and London. 2005. 313 p.
9. The Manchuria daily news. 19.5.1944.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Ko Synche. Manchu nonop imin y sakhvesachok punsok (Sotsial'no-istoricheskij analiz sel'skokhozyajstvennykh pereselentsev v Man'chzhuriyu). Pehksan khakpo, 1971, № 10. S. 28–40.

2. Kotoku yonnehndo takusehj syumusya utiai kajgi gidziroku (Materialy konferentsii po problemam kolonizatsii 1937 g.). B.m., 1938. 203 s.
3. Mansyu kajtaku nehnkan. (Ezhegodnik kolonizatsii Man'chzhurii). Sin'tszin: Mansyukoku tsusinsya, 1942. 403 s.
4. Mansyu kajtaku nehnkan. (Ezhegodnik kolonizatsii Man'chzhurii). Sin'tszin: Mansyukoku tsusinsya, 1944. 429 s.
5. Mansyu nogyo imin gajsehtsu. (Kratkij ocherk pereselentsev v Man'chzhurii). Dajren: Minami manyu tehtsudo kabusiki kajsya, 1939. 215 s.
6. Mansyu khidzoku to tian tajsaku (Man'chzhurskie bandity i poli-tika umirotvoreniya). B.m. 1938. 230 c.
7. Onda Sakubeh. Toman tikho ni okehru noson no gehndzyo: syudan buraku kehnssetsu no dzyosehj (Zemledel'cheskie poseleniya v Vostochnoj Man'chzhurii: stroitel'stvo kollektivnykh dereven') // Mansyu khyoron. 1935. sentyabr'. S. 11–38.
8. Hyun Ok Park. Two dreams in one bed. Duke university press. Durham and London. 2005. 313 p.
9. The Manchuria daily news. 19.5.1944.

Гайкин В.А. "Коллективизация" в Маньчжоу-го.

Статья посвящена корейским "коллективным" деревням, создававшимся в государстве Маньчжоуго (японской полуколонии) из корейских иммигрантов и выполнявшим роль стабильного поставщика дешёвого зерна. В 1944 г. в Маньчжурии насчитывалось 24000 семей "коллективных" (сюдан) и "организованных" (сюраку) корейских колонистов (10 % корейцев, занятых в сельском хозяйстве). Все они экономически полностью зависели от японских организаций, которые снабжали крестьян предметами первой необходимости, сельхозинвентарем, забирая практически всю товарную часть урожая.

Ключевые слова: *Маньчжоуго, коллективные деревни, корейские переселенцы, колониальная политика Японии*

Gajkin V.A. "Collectivization" in Manchzhougo.

The article is devoted to the Korean "collective" villages, were created in Manchzhougo (Japanese semi-colony) of Korean immigrants, performing the role of a stable supplier of cheap grain. In 1944, in Manchuria there were 24000 families of the "collective" and "organized" Korean colonists (10% of Koreans employed in agriculture). All of them were economically completely dependent on Japanese organizations, which provided peasants essentials, taking away almost all the product of the harvest.

Key words: *Manchzhougo, a collective village, Korean immigrants, the colonial policy of Japan*

Для цитирования: Гайкин В.А. "Коллективизация" в Маньчжоу-го // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 99–104. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/99-104

For citation: Gajkin V.A. "Collectivization" in Manchzhougo. // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 99–104. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/99-104